

Юрий Овтин

Обрезание по-одесски

История эта приключилась несколько лет назад, когда только появившиеся у нас портативные CD-плееры стали пользоваться бешеной популярностью у молодежи. Спрос на них во много раз превышал предложение, и приобрести это импортное миниатюрное музыкальное чудо было невероятно сложно. А может быть, все это мне только кажется? Впрочем, судите сами...

...Через пару дней моему младшему сыну должно было стукнуть семнадцать лет. На вопрос, что ему подарить, ответ был однозначный – портативное чудо техники, воспроизводящее музыку с лазерных дисков.

Дело было в субботу. Жена моя, одновременно занимавшаяся готовкой, стиркой и уборкой и ошавевшая от моего беспрестанного созерцания по «ящику» футбольных матчей, наконец-то нашла мне занятие.

– А ну-ка, Кеша, кончай дурака валять! – строго прикрикнула она и, вручив двести баксов, послала меня на розыски CD-плеера, наказав без него домой не возвращаться.

Недалеко от нас находился большой магазин радиотоваров, и я направился поискать счастья там.

На полпути до магазина под сенью развесистых каштанов приютилось уютное кафе «Викинг», которое держал отставной полковник Михалыч. Было жарко, и я решил зайти выпить кружку холодного пива. По случаю полуденного времени кафе пустовало, лишь в отдаленном углу одиноко сидел мужчина в больших черных очках, который приветливо помахал мне рукой, приглашая присесть за его столик.

Это был мой давний знакомый по бане – Ефим Давидович, которого все наши парильщики называли просто Фимой. Мы тепло поздоровались.

– Рад тебя видеть, Кеша, – искренне произнес Фима. – А то я уже думал, что снаряд этот придется уничтожить самому – настроение нулевое.

С этими словами он достал из кейса литровую бутылку вискаря и водрузил ее на стол. Название виски было «Марк». Яркая этикетка и оригинально запечатанная пробка вишневого цвета создавали ощущение праздника.

– Наташа, – окликнул официантку Ефим Давидович, – позови нам Михалыча и принеси три рюмки, а если хочешь продегустировать и сама, то четыре.

– А лед нужен? – уточнила Наташа.

– Нет, лучше прихвати пару холодных бутылок «Боржоми», – внес свои коррективы Фима.

Подошел Михалыч и с видом знатока покрутил в руках бутылку.

– Бурбон, 45 градусов, – произнес он.

– Америкозы считают его своим национальным напитком, – добавил Фима. – И производится он не из ячменя, а из кукурузы, и выдерживается в обожженной изнутри дубовой бочке.

С этими словами Фима разлил виски в рюмки, и мы дружно выпили за его здоровье.

– Это, конечно, не «Джим Бим», – вставил наконец-то и я в разговор свои три копейки, – но пить можно. Однако откуда такие изыски?

– Презентовала благодарная родительница одного моего ученика. Она работает в магазине дьюти-фри на украинско-молдавской границе в Кучурганах, – пояснил Фима.

Тут надо уточнить, что Фима, он же Ефим Давидович, работает в школе преподавателем математики в средних классах. Причем он не простой преподаватель, а заслуженный учитель Украины, математик, что называется, от Бога!

Мы выпили еще по одной, но уже за здоровье Фиминой знакомой, и Михалыч с Наташей с сожалением пошли заниматься своими делами.

И тут только я заметил под правым стеклом Фиминых очков фиолетовый ободок.

– А это что такое? – изумленно спросил я его. – А ну снимай очки!

И моему взору неожиданно предстал во всей своей мрачной красе сочный иссиня-черный фингал.

– Ничего себе, – изумленно ахнул я. – Кто же это тебя так отоварил?

– Да так, один антисемит, – смущено ответил Фима, надевая очки и наливая в рюмки виски.

– А ну давай, рассказывай, где это ты в Одессе умудрился найти антисемитов? – подтолкнул я к разговору Фиму, которому, видимо, и самому хотелось выговориться и облегчить тем самым душу.

А приключилось с ним вот что.

– Как ты знаешь, – тяжело вздохнув, начал свой рассказ Фима, – последние годы я работаю в еврейской школе, в которой могут обучаться галахические евреи, то есть евреи по материнской линии. Программа обучения общеобразовательным предметам у нас ничем не отличается от обучения во всех других школах и полностью соответствует государственным образцам, разве что порядка побольше. Однако помимо государственной программы в нашей школе читаются еврейские предметы.

Носители еврейского языка, мадрихи, обучают детей основам иудаизма. Их учат ивриту, умению молиться, преподают уроки Торы.

На период же летних каникул на базе школ организуются лагерь отдыха, в которых дети находятся под беспрестанным присмотром. Ну и помимо отдыха с ними проводятся и религиозные занятия.

Фима прервал свой рассказ, сославшись на то, что у него пересохло в горле, и мы с ним выпили по полрюмки обжигающего бурбона.

– Так вот, – продолжил Фима, – к этому лагерю отдыха неожиданно проявил интерес мой сосед, сантехник Антонов. Жили мы с ним дружно, душа в душу. У Ивана, что называется, золотые руки, и благодаря ему трубы и сантехника в моей квартире находятся в идеальном состоянии.

Ну а я по его просьбе занимался математикой с его двенадцатилетним сынишкой Антошкой, отъявленным непоседой и хули-

ганом. Благодаря моим стараниям пацан знал математику на отлично, что выглядело для многих весьма странным на фоне двоек и троек по остальным предметам. Жена Ивана работает в том же домоуправлении, что и он, мастером, заняты они были на работе с утра до вечера, а Антошка был предоставлен самому себе.

– Ну и имечко же подобрали пацану, – буркнул я. – Мало того что Антонов, да к тому же и Антон. Кстати, знаешь ли ты, что до войны одесситы называли антонами дворников?

– Да, я тоже как-то за рюмкой спросил об этом у Ивана, в честь чего они так нарекли ребенка, – нет чтоб назвать на одесский манер Костей или Мишкой. На что он мне ответил, что у них на малой родине, в российской глубинке, откуда они перебрались в Одессу, имя Антон имеет свой сакраментальный смысл, и хитро подмигнул...

Так вот, прослышал Иван про наш летний лагерь и попросил меня устроить туда Антошку. Я, как только мог, сопротивлялся, уверяя его в том, что ребенка могут взять в лагерь лишь в том случае, если у него по материнской линии есть евреи.

И что ты думаешь, Кеша, они с женой нарыли-таки где-то такую бумагу и умудрились даже заверить ее у раввина в синагоге.

На мой вопрос, как ему это удалось, Иван пространно ответил, что, мол, к хорошему специалисту с уважением относятся представители любой религиозной конфессии...

...Поначалу все шло хорошо. Антошка выучил много слов на иврите и вставлял их где надо и где не надо. К огромному удивлению своей матери он даже стал мыть перед едой руки.

Как-то в лагере специально для мальчиков лектор прочитал лекцию об обряде обрезания и его важности в иудаизме, после чего представил ребятам специалиста, который это обрезание делает, – мозля, специально обученного глубоко религиозного человека, имеющего медицинскую подготовку.

– А теперь, – обратился он к ребятам, – может, среди вас есть кто-либо необрезанный, который захотел бы закрепить полученные знания на практике? Первый из вас, кому сделают сейчас обрезание, будет премирован портативным CD-плеером, – и лектор показал всем красивую коробку с модным проигрывателем.

И Антошка без тени сомнения поднял руку...

Фима глубоко вздохнул и плеснул в рюмки виски.

– Видел бы ты, Кеша, этого Антошку. Широкоскулое лицо с крупными веснушками, нос картошкой, к тому же ярко-огненная шевелюра. Ну чем не айд?

Короче говоря, через пару дней после этого приводит его ко мне домой крепко поддатый Иван и приказывает сыну снять штаны, вопрошая: «Что это такое?».

Повинуясь повелению отца, Антошка спустил штаны и предъявил нам во всей своей красе розовый бутон довольно внушительного размера, торжественно восседавший на крупном черенке и, казалось, ликовавший по поводу того, что наконец-то вырвался на свободу из объятий туго пеленавшей его крайней плоти.

– Что все это значит, Фима? – во все горло гневно заорал Иван.

– Отцовские гены, – пробурчал было Фима, пытаясь польстить Ивану.

– Какие на хрен гены? – продолжал кричать Иван. – Ты мне скажи, что все это значит? Мало того, этот придурок еще и при каждом удобном случае демонстрирует эти бенимецелы своей дворовой шпане. А те рады стараться, уже и придумали ему новое погоняло. Теперь он уже не «рыжий», а «еврей»! И что ты думаешь, он на это погоняло отзывается!

– Да какой же из Антошки еврей? – пытался успокоить Ивана Фима.

– Он уж скорее не еврей, а обьевреенный русский.

Иван мрачно посмотрел на Фиму и швырнул на стол портативный CD-плеер.

– На, засунешь это своим сионистам сам знаешь куда.

– Ну зачем же так, Иван? Отдай плеер ребенку. В конце концов, он его честно заработал.

...Фима снял очки и немного помолчал.

– И вот тут-то только у меня мелькнуло в голове, что сказал я что-то лишнее, как Иван злобно и со всей силы саданул меня в глаз.

Фима разлил в рюмки остатки виски.

Мы молча выпили. Каждый задумался о своем. Я осмысливал услышанное, а Фима переживал свой рассказ еще раз. Однако чувствовалось, что когда он излил душу, ему стало легче.

Я с сожалением посмотрел на пустую бутылку и вдруг вспомнил о задании жены.

– Послушай, – обратился я к Фиме. – У тебя кругом знакомые. А знаешь ли ты кого в «Радиотоварах»?

– Да, – уверенно ответил Фима. – Там работает бухгалтером мать одного моего ученика.

– Будь другом, – обратился я к нему. – Пойдем со мной туда, можешь мне купить одну дефицитную цацку.

– Случайно не портативный CD-плеер? – вкрадчивым голосом спросил у меня Фима, хитро прищутив свой подбитый глаз, переливавшийся на свету сине-фиолетовыми оттенками, и мы с ним дружно рассмеялись.

